

человеческого вообще, и для мира христианского в частности, и – ближайшим образом – для того обширнейшего края, который составляет ныне мир собственно русский!..» [1]. В рассуждениях митрополита Макария виден не просто пафос окрылённого патриотическими чаяниями православного христианина, но выражена методология человека науки – русского церковного историка, который, помимо обладания внешней учёностью, наделён умением видеть действие Божественного Промысла в исторических событиях. Именно эта способность владыки Макария в восстановлении целостной картины великого прошлого посредством не просто механического соединения противоречивых и разрозненных фактов, но творческим истолкованием действия Божественного Промысла, верой в закономерность и целесообразность Божественного плана, уважительным и трепетным отношением к каждой исторической «случайности», рождённой Божественным Промыслом, выражают основу его методологического подхода в составлении письменных трудов по истории Русской Православной Церкви, которые также являются фундаментальной базой для изучения истории русского государства.

Литература

1. Митрополит Макарий (Булгаков) и академик Евгений Голубинский. Из истории русской церковно-исторической науки. [Электронный ресурс] URL: <http://www.voskres.ru/bogoslovie/innokentii.htm> (дата обращения: 24.03.2016)
2. Митрополит Макарий (Булгаков). [Электронный ресурс] URL: http://azbyka.ru/otchnik/Makarij_Bulgakov/ (дата обращения: 24.03.2016)
3. Митрополит Макарий. Биография писателя. [Электронный ресурс] URL: <http://readly.ru/author/9907/> (дата обращения: 24.03.2016)
4. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. [Электронный ресурс] URL: http://azbyka.ru/otchnik/Georgij_Florovskij/puti-russkogo-bogoslovija/ (дата обращения: 25.03.2016)

ЕВАНГЕЛИЕ В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Кротков Евгений Алексеевич,
доктор философских наук,
профессор кафедры философии и теологии
ФГАОУ ВО НИУ «БелГУ»,
г. Белгород (Россия)

Предлагаю взглянуть на Евангелие в широком контексте, т.е. как на одно из мировоззрений среди множества других в культуре нашей страны. Множественность мировоззрений – важнейший фактор социокультурного разнообразия общества. Однако под предлогом верности «избранному» мировоззрению и убеждению в ошибочности любых других нередко рушатся добрососедские отношения между людьми, разгораются войны между народами. Достаточно напомнить о противостоянии цивилизаций, в частности, языческой и христианской, исламской и христианской, а также о межконфессиональных распрях внутри христианства и ислама. Не пора ли признать, что не было и быть не может мировоззрения, приемлемого для всех и на все времена?

Полагаю, что если мировоззрение исключает расовое, этнонациональное и социально-классовое превосходство одних людей над другими, то оно вполне может способствовать не только предотвращению межнациональных и региональных конфликтов, но и укреплению нравственного и психического здоровья личности. К примеру, христианский религиозный дискурс нередко оказывается действенным психотерапевтическим средством против синдрома «осатаневшей самости» (Ф.М. Достоевский), т.е. безбрежного эгоизма, цинизма и своеволия, а также средством психической компенсации несбывшихся надежд и невосполнимых утрат личности. И нет никаких разумных оснований упрекать религию в намерении снова и снова возвращать нас к простым старым принципам, которые мы то и дело упускаем из виду. А безрелигиозное мировоззрение склоняет человека к вере в то, что жизнь в мире, в котором он родился, – это единственный и уникальный шанс, бесценный дар, хотя и временный. Оно способно блокировать потенциал её безграничного самоуничтожения и атрофию социальной активности.

Кто-то надеется получить «спасение» верой в единого Бога (Христа, Аллаха, Яхве), другим уютнее жить в мире, в котором нет места чудесам и Богу, третьи тяготеют к многокрасочному миру языческого многобожия etc. Ничего предосудительного нет и в том, что на разных этапах своей жизни человек обретает духовную опору в разных мировоззренческих «истинах». Безальтернативный способ коммуникации между субъектами разных мировоззрений мне представляется таким, когда её участники оказываются способными к соблюдению мировоззренческого нейтралитета: слышать друг друга, и при этом обойтись «без драк на меже». Но к такому состоянию можно прийти лишь при обоюдном допущении, что может быть, «мы» правы, или, может быть, «они» правы, или, неизвестным для нас способом, правы «все вместе».

Религиозное и безрелигиозное мировоззрения следует отличать от теизма и атеизма как откровенно агрессивных идеологий. Религиозный человек верит, что Бог есть, а безрелигиозный человек не находит места Богу в Мире, и каждый живет с этим, не претендуя на право быть более «праведным», чем человек с иным мировоззрением. Теист же претендует на то, что таким правом обладает только он, а атеист убежден, соответственно, в обратном. Более того: теист полагает, что безрелигиозного человека необходимо «излечить», т.е. приобщить его к своей вере, а атеист, соответственно, стремится убедить в иллюзорности мировоззрения верующего человека. А если «обращение» не удастся, они считают своим долгом каким-либо образом указать своим «пациентам», что те якобы губят свою собственную жизнь или душу, и, кроме того, потенциально опасны для общества.

В России противостояние тех, кто «горой стоит» за «истинную веру», с теми, кто с таким же энтузиазмом её ниспровергает, не завершилось фактом поражения политических сил, насаждавших атеизм. Сегодня маятник качнулся в другую сторону: клерикальной пропагандой с завидной методичностью внушается россиянам мысль о том, что обращение народа в церковную веру необходимо для спасения России от нравственного нигилизма и вестернизации.

А не может ли случиться так, что фактор принадлежности к той или иной религиозной общности либо отсутствие такового станет имплицитным аргументом при приёме на работу либо отказе в ней, в судебных решениях и даже в политических предпочтениях? Во всяком случае, уже публикуются статьи, в которых содержатся призывы к изменению на «православных духовных основах» существующего государственного строя. Так, священник Д.Познанский в статье «Цивилизационная несовместимость» (Политический журнал. 2008. №4 (181)) утверждает: *«Необходимо приводить в соответствие с православной цивилизационной моделью всю государственную систему»*, поскольку де *«пренебрежение наиболее адекватными, выработанными православной цивилизацией формами государственного устройства утопичны и обречены на провал»*. Спрашивается, а не возникнет желание у горячих сторонников ислама пропагандировать в СМИ идею «приведения в соответствие» российской государственности, но только не с православной, а с исламской цивилизационной моделью? И что тогда?

Руководитель отдела экономики Фонда «Русская Цивилизация» С.Е. Матвейчук в статье «Идентификация национального мировоззрения российской политической элиты» (Журнал «Право и безопасность. 2004. № 2 (11)), ссылаясь на провокативный тезис *«отказавшийся от православия перестает быть русским»*, считает: *«Если политическая элита сумеет решить положительно вопрос о государствообразующей роли православного народа, то и другие народы (фракции) объединятся вокруг лидера с целью совместного обустройства общего дома»*. Я же полагаю, что в современной России деление нации на «государствообразующий» народ и «другие» народы по основанию их конфессиональной принадлежности уже само по себе и безнравственно, и противоправно (в Конституции РФ такое «расчленение» не предусмотрено). Тем более что имплантация авторитарно-этатистского варианта христианского (равно как исламского и иудейского) мировоззрения в общенациональную идеологическую доктрину едва ли будет способствовать духовному росту, миру и процветанию современного российского общества. Только религиозность как фактор «морально доброго образа жизни» (И.Кант), а не в качестве аргумента в противостоянии прозелитских и политических амбиций, составляет реальную основу решения межконфессиональных конфликтов – одну из самых опасных угроз всему мировому сообществу.

Как поведал патриарх Кирилл после недавней литургии в храме Христа Спасителя, в новое время универсальным критерием истины стал человек и его права (<http://www.rbc.ru/society/20/03/2016/56eef5d49a79477cdaaef4ea>). «И началось революционное изгнание Бога из человеческой жизни, из жизни общества», – цитирует патриарха агентство «Интерфакс». По его словам, это движение сначала охватило Западную Европу, Америку, а затем и Россию. Кирилл высказал мнение, что сегодня можно говорить о «глобальной ереси человекопоклонничества, нового идолопоклонства, исторгающего Бога из человеческой жизни». По мнению патриарха, результатом этой ереси могут стать «апокалипсические последствия», и церковь должна с ней бороться. У меня возникают следующие вопросы. Почему борьба за права человека – вне

связи с противостоянием теизма и атеизма – оказывается у патриарха идолопоклонством? Не означают ли его слова призыва к православным людям не участвовать в этой борьбе, а тех, которые принимают в ней участие, относить к еретикам? В День Победы 9 мая наши граждане шли к памятникам воинам, погибшим на фронтах Великой Отечественной, чтобы поклониться их подвигу и возложить цветы. А завершая праздничную демонстрацию, во многих городах прошла гражданская акция «Бессмертный полк»: люди несли фотографии своих родственников, приближавших победу над фашистской Германией. Спрашивается, и эти традиции тоже подпадают под эпитет патриарха «человекопоклонничество»?

По итогам заседания XVIII Всемирного русского народного собора (ноябрь 2014 г.) была принята «Декларация русской идентичности», в которой среди критериев русскости человека выделены (цитирую): *«отсутствие у него иных этнических предпочтений; признание православного христианства основой национальной духовной культуры; ощущение солидарности с судьбой русского народа»*. Мне что-то неясно в отношении этнических предпочтений. Каковы основания этих предпочтений: антропологические, социокультурные либо идеологические? И чем в этих аспектах русские предпочтительнее представителей иных этносов, являющихся полноправными гражданами Российской Федерации? В Конституции РФ сказано (ст.26): «Каждый вправе определять свою национальную принадлежность. Никто не вправе быть принужденным к определению и указанию своей национальной принадлежности». Спрашивается, а не противоречит ли этому положению неуклюжая попытка XVIII Всемирного русского народного собора навязать нам «дефиницию» того, кто вправе называть себя русским, а кто такого права не имеет?

Что касается «признания православного христианства основой национальной духовной культуры». Признать это положение – значит оскотить русскую духовность. Потому что в своей основе она немислима без наследия языческой культуры (без него не было бы и поэзии А.С.Пушкина), а также советской культуры (её художественной литературы и поэзии, её песен, фильмов, балета). Более того, русская духовность формировалась в контексте лучших творений западноевропейской культуры, на что обращал внимание, как это ни странно звучит, Ф.М.Достоевский: «У нас, у русских, две Родины: наша Россия и Европа».

Относительно «ощущения солидарности с судьбой русского народа». Я изучал не судьбу русского народа (такой исторической науки нет), а историю многонациональной России. Многим в ней я горжусь. Особенно тем, что в XX веке в ней был осуществлен прорыв к новой общественно-экономической формации, в которой утверждался принцип социальной справедливости, осуждалось безудержное обогащение одних за счет труда других, а природные ресурсы страны были общенародным достоянием. Формировалась новая историческая общность людей – советский народ, величайшее свершение которого каждый год мы отмечаем в день Победы над фашистской Германией. И все это было достигнуто в невероятно короткий временной период, когда не

было гражданской войны и интервенции. А вот участников Всемирного русского народного собора волнует совсем другое: образование общности «советский народ» привело, видите ли, к «ослаблению единства русского народа».

Однако не всё в истории нашей страны заслуживает «чувства солидарности». О какой солидарности можно говорить, например, с ролью церкви в многовековом гонении и дискриминации национального язычества народов России? Равно как не может быть речи о солидарности со сталинскими репрессиями, в частности, с умерщвлением многих и многих сотен православных священников (включая и моего деда протоиерея А.П.Кроткова).

ЕВАНГЕЛИЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ: РАЗНООБРАЗИЕ КУЛЬТУРНЫХ ПРОСТРАНСТВ И ПОБУЖДЕНИЕ К ЛЮБВИ

Куаро Терез,
магистрантка кафедры социологии и организации работы с молодежью
института управления НИУ «БелГУ»,
(Республика Бенин)

Вопрос о преемственности веры обращает нас к необходимости осознать Евангелие как живое Слово Божие, в полноте своей представляющее «нас ради человек» в явлении Сына Божия и со дня Пятидесятницы возобновляемое и передаваемое в полноте церковного общения. Эта историчность Евангелия не есть временность: «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр.13,8). Однако Евангелие как благовествование Христово извечно событийно; оно всегда обращено к нам и по мере признания этой обращенности укрепляет нас и делает эффективной нашу проповедь. Дело не только в том, кому мы хотим проповедовать; как показывают современные социально-антропологические исследования, дело прежде всего заключается в том, *кто говорит*, в том, насколько возглашающий о Христе Спасе сам заботится о принятии Слова Божиего. Мы нестабильны; меняются эпохи, меняются языки, меняются культуры. Мир всегда нуждается в новой евангелизации, особенно теперешний мир, который так чувствителен к культурному разнообразию; но Христос *не обращается* к миру, делая нас более или менее совершенными *инструментами* своего обращения к миру. Можно сколько угодно искать более эффективные стратегии или фокусироваться на людях, которым предназначено принять Евангелие (к примеру, на молодых людях); но эти люди – прежде всего мы сами.

Проповедовать Евангелие значит передавать веру, даруемую нам через Святое Писание и Святое Предание; но условие такой передачи – не бесстрашие перед тем, кому мы говорим, а собственный страх Божий. Готовы ли мы к тому, чтобы сказать себе «выйдем к Нему за стан» (Евр.13,13)? Не к некоей социальной группе, которая будто бы требует от нас знания социальной психологии, начал коммуникативной этики, красноречия, а именно к Нему? Мы стремимся подражать Христу, но забываем о том, что проповедь Христова была